

Вскоре Шисань воспользовался тем, что все отвлеклись, и шмыгнул в небольшой горный грот. Он и не подозревал, что всё это время □□ неотлучно дежурил снаружи. И когда Шисань вышел в сопровождении другого мужчины, Шисань едва не бросился вперед: одетый в одежду Девятого брата мужчина был примерно того же роста, и со спины в нем действительно чудилось поразительное сходство с Девятым. Сам же Девятый принц в этот момент вместе с Седьмым братом охотился на другом участке.

Искусству цингун Шисаня обучил лично Девятый брат, так что, следуя поодаль и соблюдая осторожность, обнаружить себя он никак не мог. Вот так Шисань и преследовал Шисаня и того человека, похожего на Девятого, пока все трое не помчались обратно по той же дороге, которой прибыли. В лесу гулко и тяжело звучал топот двух лошадей...

В тот миг, всего на одно мгновение — то, что Шисань не забудет до конца своих дней, — мужчина, так похожий на Девятого брата, выхватил из-за спины стрелу и прицелился прямо в Императора-отца!

Тут Шисань наконец постиг коварный замысел Шисаня: тот хотел убить Императора-отца, а всю вину свалить на Девятого брата!

— Отец-император, берегитесь!.. — во всю мочь закричал сзади Шисань.

Вззоры всех присутствующих обратились туда, но стрела уже сорвалась с тетивы. Телохранители Императора бросились заслонять монарха, а Шисань с изумлением оглянулся на Шисаня, резко дернул поводья, и его конь мгновенно понесся вперед...

К счастью, Третий брат находился неподалеку и успел отбить этот удар. Хотя Третий брат и порезал правую плечевую кость, тогда Третий ван попросту поленился двигаться с места, сослался на недомогание и добровольно сошел с дистанции. Вспоминая об этом позже, понимаешь: какое счастье, что Третий ван тогда не ушел.

Впоследствии, само собой, Девятый брат сделался козлом отпущения. И сколько бы Шисань ни надрывал голос, никто ему не верил, из-за чего Девятый брат пробыл в Небесной тюрьме целых восемь дней.

Для Шисаня эти восемь дней тянулись так долго, будто прошло восемь жизней. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним вставала картина того, как Девятый брат страдает в Небесной тюрьме, и от этого зрелища Шисань едва не сошел с ума. В конце концов он разыскал Шисаня и потребовал, чтобы тот во всем чистосердечно признался, иначе он отправится к Императору-отцу и доложит, что за этим заговором стоит Шисань.

Но стал бы Шисань его слушать? Он лишь усмехнулся: да ради бога, делай что хочешь...

В тот момент Шисань впервые ощутил, насколько леденящей и жуткой была улыбка Шисаня!

Шисань испробовал все мыслимые способы, шумел и бунтовал, но Сын Неба наотрез отказывался даже повидаться с ним, не говоря уж о том, чтобы прислушаться к его словам. В сердцах Шисань решил уморить себя голодом.

Однако находившийся в Небесной тюрьме Девятый ван счел, что эта роль козла отпущения оказалась вполне оправданной. По крайней мере, она позволила Третьему брату узнать, кто все это время тайком плел интриги, а когда истинный виновник известен — дальше всё пойдет как по маслу. На самом деле Седьмой ван все время находился рядом с Девятым ваном и мог бы запросто засвидетельствовать его невиновность, но тогда он не проронил ни слова. Девятый ван понимал намерения Седьмого вана, однако бедному простодушному Шисаню пришлось несладко.

В ту пору Шисаню исполнилось всего одиннадцать лет. Одиннадцатилетний ребенок — а жажда власти уже пустила глубочайшие корни в его голове. Прежде старшие братья считали его лишь безобидным сопляком, но момент, когда он выбрал своей мишенью Девятого вана, доказал: Шисань — слабая пешка, но в критический час он способен сыграть предельно безжалостно. И дело тут вот в чем: помимо Девятого вана, оставалось еще немало других ванов. Задумай Шисань отыскать козла отпущения, идеальной кандидатурой должен был стать Старший брат. Тогдашний покойный император как раз выбирал, кого из принцев объявить наследником престола. Будучи старшим сыном и во всех отношениях превосходя остальных, Старший брат должен был стоять на первом месте; даже если бы какие-то его недостатки делали его непригодным для роли императора, за ним шли Третий принц, Пятый принц, Шестой принц, Седьмой принц — и лишь потом очередь дошла бы до Девятого вана. И тем не менее Шисань выбрал именно Девятого вана. Ни с точки зрения человеческих чувств, ни по здравому смыслу это не шло ни в какие ворота, и раз уж Шисань пал выбор именно на Девятого вана, то в основе всего лежала, пожалуй, лишь одна-единственная причина...

Два месяца спустя должна была состояться свадьба Девятого принца. Девятый принц носил девятый порядковый номер, и даже если брать в расчет одних лишь принцев, впереди него стояли еще пятеро братьев. И тем не менее покойный император выбрал жену именно для Девятого принца. Почему так произошло — не понимал Девятый принц, не понимал Седьмой ван, не понимал Третий ван, не понимал никто, но Старший брат наверняка знал ответ...

Вывод напрашивался сам собой: за спиной у Шисаня стоял тот самый человек, который отчетливо понимал, кто представляет для него наибольшую угрозу.

Называть Шисаня слабым можно было лишь потому, что он мал годами, и, возможно, природа его не была изначально злокозненной. Но его беда заключалась в том, что он родился в императорской семье, беда заключалась в матери с волчьими амбициями, в том, что он ставил выгоду выше братьев, выше родственных уз, выше всего на свете... Прежде никто на свете и в мыслях не держал подозревать Шисаня — даже такой хладнокровный и привыкший руководствоваться исключительно холодным рассудком человек, как Третий принц, никогда не подозревал Шисаня.

На третий день голодовки, после жестокой взчки от Третьего принца, Шисань наконец смог повидать так истосковавшегося по нему Девятого брата и прямо при нем расплакался, как ребенок. К счастью, Девятый ван не слишком пострадал, если не считать того, что условия в

Небесной тюрьме оставляли желать лучшего и Девятый явно заметно осунулся. Шисань, снедаемый обидой, разыскал Шисаня для объяснений, и в тот день некогда неразлучные друзья Шисань и Шисань жестоко подрались, после чего заклились больше никогда не знаться друг с другом.

Вернемся же к текущим событиям. Нам уже известны амбиции Шисаня, а теперь он еще и среди бела дня покинул Столицу, причем за ним последовал Второй молодой господин. Объяснение тут может быть только одно: они перешли к действиям, и, судя по всему, Император больше не намерен ждать.

Последние два дня Девятый ван то и дело мотался туда и обратно. Император готовился покончить с Девятым ваном — своей главной угрозой. На границе назревали беспорядки, в Столице вот-вот должна была разразиться кровавая буря, но Мо Чэнь вовсе не желал этого видеть. Всё, чего он хотел — это мира и процветания для страны, просто мира и процветания...

Он жаждал покинуть это место, уехать туда, где никто его не знает, и жить самой обычной тихой жизнью, пока не придет срок стареть, болеть и умирать... Однако высокое положение Девятого вана не позволяло ему поступить подобным образом, Император не желал выпускать его из виду, а Третий и Седьмой братья ни за что не согласились бы отпустить его вот так просто. И потому он изо всех сил делал то, что оставалось последним долгом: собирался выполнить посмертное повеление, данное им некогда Императору-отцу, и вести империю Да Мин к еще большему могуществу и процветанию. Он не знал, когда наконец сможет сбросить с плеч этот груз, ему оставалось лишь безостановочно трудиться, исполняя завет Императора-отца. Но кто же исполнит его собственный завет?..

Услышав весть о пропаже этой девчонки, он вполне мог бы пропустить ее мимо ушей. Как справедливо заметил Третий брат, потеря — только к лучшему, ведь теперь никто не сможет разыскать Ван Шань. И все же его первой реакцией стало: чтоб эту проклятую девицу напрочь миновали любые напасти...

Эта девчонка — толку чуть, а вреда на грош, робкая и трусливая, да к тому же то и дело норовит что-нибудь его сломать. Стоило им встретиться всего несколько раз, как в нем уже зародились сплошные подозрения. Хотя она и старалась вовсю, но ухитрилась вляпаться в неприятности с этим смутьяном Шисанем, и без того мирная Резиденция Девятого князя встала на уши из-за ее непутевости... И всё же, что с ним творилось? С тех пор как два дня назад он оставил ее в Резиденция Седьмого вана, он снова и снова невольно вспоминал о ней: вспоминал ее пухленькое личико, вспоминал, как она уплетает еду, вспоминал, как она дует губы, вспоминал вкус ее губ...

На улице бурлила толпа, и, судя по оживлению, с учетом характера этой девицы, она с вероятностью девяносто девять процентов побежала глазеть на зрелище. Он и сам не заметил, как начал смотреть на вещи глазами Сунь Додо — точно так же, как не замечал, что во время каждой трапезы неизменно оставлял нетронутым хоть одно блюдо из числа ее самых любимых, даже если они нравились и ему самому...

Ну а эта беспросветная тупица Сунь Додо? Не раздумывая ни секунды, она просто пперла

вперед... Но протиснуться дальше оказалось совершенно невозможно. Ближе к сцене народ стоял сплошной несокрушимой медно-железной стеной, и как ни тужилась Сунь Додо, толку не было — сдвинуть никого не удавалось.

Сунь Додо изо всех сил встала на цыпочки, озираясь по сторонам в надежде отыскать брешь. Небо не обмануло ее надежд: когда ноги у нее уже начали отниматься от напряжения, она наконец заметила, что у колонны слева от сцены никого нет. Но как туда пробраться? Протиснуться напрямик нечего было и думать. Поразмыслив так и эдак, она решила сначала отступить назад, а уже оттуда обойти и протиснуться слева.

И вот пока ваны устремились вперед в поисках Сунь Додо, сама Сунь Додо как раз протиснулась сквозь толпу наружу.

Выбравшись из толпы, Сунь Додо завернула в темный переулок. Поскольку весь широкий проспект запрудили зеваки, Сунь Додо заглянула в глубь переулочка: впереди виднелся свет. На глаз прикинув расстояние, она сообразила, что если пройти насквозь по этому переулочку и обойти с той стороны, то как раз окажешься у колонны слева от сцены.

Наметив план, Сунь Додо углубилась в темный переулок...

Однако откуда ей было знать, что, пусть она и нарядилась в ученическое платье, она оставалась девушкой, и в давке кто-то уже раскусил ее истинный пол. Стоило Сунь Додо шагнуть в темный переулок, как вслед за ней туда шмыгнул какой-то мужчина.

Сунь Додо шла впереди. Вокруг царил полумрак, и хотя переулок был не слишком длинным и от входа виднелся просвет на другом конце, идти внутри все равно было страшновато: сердце у Сунь Додо подскочило к самому горлу и бешено колотилось, а ноги сами собой зашагали быстрее — ей хотелось поскорее убраться отсюда.

Лишь приблизившись к выходу из переулочка и уже ощутив отблески уличных фонарей, Сунь Додо чуть-чуть расслабилась. Но не успела она успокоиться, как прямо под светом фонаря с ужасом заметила позади себя темную фигуру! — А... м-м... м-м... — испуганная Сунь Додо только собралась броситься бежать, как чьи-то руки внезапно схватили её, зажали рот и поволокли в темный переулок...

— М-м... м-м... — обезумев от страха, Сунь Додо изо всех сил сопротивлялась, но так и не смогла вырваться из железной хватки мужчины.

— Ха-ха-ха, а у этой малышки кожа просто шелковая! — похотливо усмехнувшись, мужчина чмокнул Сунь Додо в щеку.

— А... м-м!! М-м!! — Сунь Додо беспорядочно царапала мужчину, отчаянно лягаясь ногами. Совсем рядом мерцал свет, неужели никто не придёт ей на помощь...

— Тц... ха-ха-ха, с перчинкой, дядюшке это по нраву! — от ногтей Сунь Додо на руке мужчины осталась кровавая царапина, но это лишь раззадорило его, и он принялся целовать её ещё яростнее.

— М-м!! М-м!! У-у-у-у... Ванъе... м-м... Ванъе... — мужчина осыпал лицо Сунь Додо яростными поцелуями, добравшись до уголка её рта. Он слегка ослабил хватку — в конце концов, сейчас все были заняты праздником, а на улице стоял такой шум и гам, кто же услышит?

— У-у-у-у... убирайся... м-м! М-м-м... Ванъе... ублюдок... Ванъе... у-у-у-у... Ванъе... — Сунь Додо горько и беспомощно зарыдала, её дыхание смешалось с омерзительным запахом мужчины. Глядя на затянутое мглой ночное небо, она чувствовала, как крупные капли отчаяния катятся из глаз.

— Ха-ха-ха-ха... — похоже, мужчина остался крайне доволен сегодняшней добычей. Нацеловавшись вдоволь, он принялся срывать с неё одежду.

— А!!... Ванъе... ублюдок... у-у-у-у... Ванъе... Ванъе... — в голове у Сунь Додо царила абсолютная пустота. Единственное, за что цеплялось её сознание — это то, что придёт Ванъе, Ванъе спасёт её... Ванъе спасёт её... Ванъе, Ванъе, где же ты... Ванъе...

Но как бы ни плакала и ни звала Сунь Додо, в ответ раздавался лишь похотливый смех насильника... Отчаяние... Полное отчаяние...

Сунь Додо смотрела на тёмное ночное небо, слёзы непрерывным потоком текли по щекам, перед глазами всё расплывалось, а в груди разлился зябкий холодок...

— ...! — В тот самый момент, когда Сунь Додо изо всех сил попыталась прикусить собственный язык, мужчина внезапно замер, вытаращил глаза, а секунду рухнул наземь.

— Я здесь. — Когда девятый ван произнёс эти слова, взгляд Сунь Додо уже переместился на то место, где только что упал мужчина.

— ... — Сунь Додо немигающим взглядом смотрела на Мо Чэня, слёзы ещё немного подержались на ресницах, а затем покатились вниз одна за другой...

— Шань-эр, я здесь. — Чей-то наряд укутал её целиком, и её озябшее тело заключили в тёплые объятия.

— У-у-у-у... у-у-у-у... — Лишь теперь Сунь Додо залилась горькими слезами. Занеся руки, она изо всех сил принялась тереть губы — терла, терла, не останавливаясь...

— Ван Шань... Ван Шань... Ван Шань! — Мо Чэнь перехватил руки Сунь Додо.

— У-у-у-у... у-у-у-у... — Перед глазами всё плыло, и Сунь Додо яростно оттолкнула руки вана. Она знала лишь одно: надо тереть изо всех сил, изо всех сил, чтобы стереть, чтобы очистить...

— Шань-эр... — нахмурился Мо Чэнь и, подавшись вперед, накрыл поцелуем её стёртые до красноты губы.

— ... — Сунь Додо замерла на месте... Спустя мгновение она вдруг что есть мочи оттолкнула вана.

— ... — Мо Чэнь ничего не ответил, лишь молча глядя на неё.

— Грязно... — затуманенным взором уставившись в землю, прошептала Сунь Додо, и крупные слёзы застучали о камни.

— ... — В его спокойных глазах зародилась едва заметная рябь. Белый сапог шагнул вперед, Мо

Чэнь протянул тёплую ладонь и нежно огладил её заплаканные щеки. Стоило ей побыть в Резиденции Седьмого вана всего два дня, как она заметно исхудала... Большим пальцем он мягко погладил её губы, которые она едва не стерла до крови... Повернув голову, Мо Чэнь нежно припал к её губам...

— ... — Смотря друг другу в глаза, Мо Чэнь притянул Сунь Додо за затылок и медленно прикрыл глаза. Его движения были такими легкими и нежными, словно ласковый ветерок коснулся сердца Сунь Додо, и она тоже понемногу закрыла глаза...

— Настоящий мерзавец-ванье? — усмехнулся с крыши Третий ван и повернулся, оставляя всю темноту ночи наедине с этими двумя в переулке.

Герой.

После этого случая в глазах Сунь Додо при виде Мо Чэня читалось одно лишь благоговение. Раз уж ван сказал слово — значит, так тому и быть, сказал два — не отступится. В её сердце с того самого момента, как он спас её, укоренилась уверенность: её ван — это тот самый защитник в сверкающих доспехах, с острым мечом и на белом коне, что прискакал ей на выручку.

В этот день в Резиденции Девятого князя:

— Девятый брат, скажи-ка, эта девчонка часом не влюбилась в тебя? Стоит тебе появиться в поле её зрения, как она глаз с тебя не сводит, прямо как на своего мужчину смотрит... — недовольно произнес Шисань.

— Чего это, Шисань, ревнуешь? — усмехнулся Третий ван.

— С чего бы мне ревновать! К тому же, пройдёт ещё полмесяца, и девчонка уедет... Эх, хотя мне и не по душе, что она пялится на Девятого брата, скажите, а что если она и вправду влюбится в него и потом не захочет возвращаться в свой XXI век? неужели мы и впрямь оставим её здесь навсегда? — с серьёзным видом спросил Шисань.

— Такого не случится. Во-первых, очень скоро ответные дары для Императора и господина премьер-министра будут готовы, так что эта особа станет нам без надобности. Во-вторых, её заветная мечта — вернуться обратно, и если у неё будет такая возможность, она непременно уедет. Ну а в-третьих, если она вдруг и вправду полюбит Мо Чэня и откажется уходить, нам останется лишь прибегнуть к крайним мерам и поступить с ней жестоко, — улыбаясь, ответил Третий ван, словно речь шла о пустячной шутке, а не о человеческой жизни...

— ... — Мо Чэнь хранил молчание, лишь отрешенно глядя куда-то вдаль...

— Третий брат, тебе не кажется, что это слишком жестоко по отношению к девчонке? Может... позволим Седьмому брату забрать её? — предложил Шисань.

— А что думаешь ты, Мо Чэнь? — намеренно поинтересовался Третий ван.

— Как знаете. — Не выказав ни малейшего интереса, Мо Чэнь поднялся и вышел из беседки.

— Третий брат, как думаешь... Девятому брату тоже нравится эта девчонка? — встревоженно спросил Шисань.

— А ты знаешь, что Мо Чэнь целовался с этой особой? — вместо ответа бросил встречный

вопрос Третий ван.

— Да как такое возможно?! Девятый брат ни за что бы не стал! — подскочил от неожиданности Шисань.

— С чего бы не стал? В тот день хоть она и была в мужском платье, у меня возникло полное ощущение, будто Мо Чэнь целуется с тобой. Впрочем, та картина выглядела куда гармоничнее... — бросив взгляд на Шисань, Третий ван задумчиво удалился, оставив Шисань в полном одиночестве и растерянности в беседке.

Над Столицей постепенно сгущались сумерки, в Резиденции Девятого князя зажглись фонари.

— Ешь и прекрати пялиться на этого вана, — не поднимая головы, произнес Мо Чэнь, обращаясь к сидевшей рядом крошке.

— ... — Сунь Додо слегка согнула глаза, превратив их в чистые и яркие полумесяцы...

— Раз я помог тебе отыскать человека, ты уже знаешь, как вернуться? — Мо Чэнь поднял глаза на Сунь Додо.

— Теперь, стоит лишь разыскать толстую женщину, шансов станет гораздо больше! — радостно выпалила Сунь Додо.

— Толстую женщину?

— Угу! Я её видела, она держит заведение в самом оживленном квартале Столицы, где женщины подыскивают себе мужчин. К тому же, если она откажется мне помочь, у меня есть еще один способ вернуться! — с полнейшей уверенностью заявила Сунь Додо.

— О? — Губы Мо Чэня слегка дрогнули в улыбке. Он вдруг поймал себя на мысли, что ему нравится смотреть на её смеющиеся глаза.

— Это секрет! Кстати, Ванье, я ведь ещё ничего для вас не сделала, могу я чем-нибудь помочь? — спросила Сунь Додо.

— Завтра я сам займусь поисками этой толстой женщины, а сегодня вечером я отведу тебя в одно место.

— Куда это?

— Сначала поешь. — Положив Сунь Додо кусочек мяса в тарелку, Мо Чэнь умолк.

— М-м... — кивнула Сунь Додо и принялась за еду...

Ночная темнота уже полностью укрыла Столицу.

Мо Чэнь взял Сунь Додо с собой на прогулку, позволяя ей баловаться и развлекаться вдоволь: всё, чего она ни просила, он покупал, а куда бы она ни пожелала отправиться — преград не чинил, и так продолжалось до глубокой ночи...

— Нагулялась? — Мо Чэнь шел рядом с Сунь Додо.

— Ванье, с чего это вам вдруг захотелось вытащить меня сегодня погулять? — жуя на ходу какое-то лакомство и едва ворочая языком, спросила Сунь Додо.

— Чтобы ты ушла без сожалений. — Мо Чэнь легко улыбнулся.

— ...Хе-хе-хе... — Сунь Додо на секунду замерла, в её сердце шевельнулось какое-то странное, незнакомое чувство, от которого стало чуточку грустно. Впрочем, она тут же прогнала это ощущение прочь и весело рассмеялась:

— Ранее я говорил тебе, что научу тебя тому, что значит око за око, помнишь?

— Угу-угу~ Только я ведь так и не научилась боевым искусствам...

— ... — Мо Чэнь протянул ей руку.

— ... — Сунь Додо опешила на полсекунды, но уже в следующую долю секунды радостно вложила свою ладонь в теплую руку вана, и вместе с ним взмыла в ночное небо.

В ушах свистел ветер. Сунь Додо крепко сжимала тёплую руку вана, а другая рука Мо Чэня обнимала её за талию. Их черные волосы переплелись на ветру, а затем разметались в разные стороны...

Вскоре они опустились на крышу какого-то особняка, и Мо Чэнь осторожно приподнял черепицу.

— Пятнадцатый...? — опасно припав к крыше, Сунь Додо заглянула в образовавшийся просвет и увидела, что внизу Пятнадцатый ван принимает ванну.

— Сбрось вниз. — Мо Чэнь протянул Сунь Додо небольшой мешочек.

— Что это? — тихонько спросила она.

— То, что Пятнадцатый любит больше всего. — Мо Чэнь чуть улыбнулся, и в его чарующей улыбке сквозила совершенно безобидная на вид лукавость.

— А~ — Сунь Додо послушно исполнила приказ, всецело зачарованная улыбкой вана. У неё просто не осталось сил на раздумья, стоит ли сперва заглянуть внутрь, и она просто скинула мешочек вниз.

— Ай... ван... Ванъе...

<http://bllate.org/book/22268/2331135>